
Анна Чернышова работает следователем по особо важным делам в Следственном управлении СКР по Иркутской области. Так получилось, что обычно ей достаются совсем не женские особо важные дела — в основном в ее руки попадают педофилы и убийцы.

ДЕВУШКА И МАНЬЯК

Следователь Следственного управления СКР по Иркутской области Анна Чернышова считает, что педофилов делает Интернет

Иркутская область входит в пятерку самых «педофильных» регионов. Этот род преступлений за последнее время очень распространился и в городах, и в сельской местности. В них, как это ни парадоксально, бывают замешаны и уважаемые люди. Так, одним из самых резонансных дел стало дело Станислава Сутонько — пастора одной из евангелистских церквей. Мы встретились с Анной накануне 8 Марта и расспросили о ее морально тяжелой работе.

Следователь по особо важным делам Анна Чернышова под милой внешностью скрывает острый ум и преданность профессии.

— Анна, вы уже шесть лет служите правосудию. Причем раскрываете непростые, морально тяжелые преступления против детей. Таких преступлений становится все больше. С чем вы связываете этот рост?

— Раньше не было такого количества подобных преступлений. Единичные моменты были, да. А всплеск начался с 2008 года. Я считаю, что слишком открытой и доступной стала информация нездорового толка: порнографические сайты, фильмы и все прочее, что есть в

Сети. Люди не могут справиться с этой информацией, не могут ее адекватно переработать.

— Парадокс преступлений в том, что совершают их, как правило, не какие-то асоциальные личности, а люди вполне благополучные.

— Или те, кто хочет казаться благополучным. В моем производстве было дело педофила из Ангарска, который ранее был судим, провел в тюрьме много времени, но в конце концов одумался и к моменту совершения преступления уже давно вел образ жизни примерного гражданина и семьянина. Никто никогда не мог бы подумать, что этот со всех сторон положительный человек мог совершить такое. Но когда он был задержан за преступление, вину не признавал и вел себя весьма цинично. Человек оказался совсем не таким, каким хотел выглядеть. У него не оказалось никаких моральных рамок.

Но, в принципе, вы совершенно правы. Эта категория преступлений совершается состоявшимися, благополучными людьми. Даже если у них были в прошлом какие-то неприятные моменты, они их преодолели, встроились в социум и вели нормальный образ жизни. Сутонько когда-то был наркоманом, но смог побороть пагубную привязанность. И он, видимо, действительно вел примерный образ жизни и многим помогал. Ему были благодарны очень многие люди, матери бывших наркоманов. Судя по рассказам, которые по ходу следствия мне приходилось выслушивать, об этом человеке никто не мог такого предположить и в страшном сне.

— И что происходит с такими людьми? Как они идут на такие преступления?

— От Сутонько впервые я услышала объяснение, связанное с доступностью Интернета. Он говорил о том, что посмотрелся порносайтов. В дальнейшем я очень часто встречала точно такие же объяснения. В голове от избытка информации что-то происходит, что-то сдвигается. Я сама понять не могу. Вот смотрите. Психологи пишут о Сутонько: «Не нарушен интеллект, поведение носит целенаправленный характер». Несомненно только то, что Интернет, мобильные телефоны, а также все, что делает доступным поток информации специфической сексуальной тематики, имеет непосредственное отношение к увеличению числа педофилов. Мы изучаем преступников, изучаем их компьютеры, телефоны. Смотрим, какие ролики они скачивают. Есть материал, на основании которого можно сделать вывод о вреде Интернета и необходимости цензуры.

— Мужчины какого возраста обычно подвержены преступным склонностям?

— Все смешалось. В последние два-три года появилась тенденция: возраст преступников значительно снизился. 14—15-летние дети совершают преступления также против детей. У подростков как раз период полового созревания, интерес к этой теме повышенный, а Интернет, средства массовой информации, телевидение предлагают им открытый доступ к запретному. Но бывают и пожилые педофилы. Тот ангарский случай, который я приводила в

пример, как раз касается человека пожилого, совершившего преступление против маленькой родственницы. Здесь злую шутку играет не интерес, а опыт.

— В семьях появилось много склонных к педофилии мужчин...

— Появляется много печальных тенденций: молодеет возраст жертв, уже годовалые и двухгодовалые дети становятся объектами для педофила. Для педофилов исчезли различия между мальчиками и девочками. Им все равно, над кем совершать преступления. И действительно — учащаются случаи, когда преступления происходят внутри семьи. Преступниками бывают и кровные, и некровные родственники жертв.

— В семьях такие преступления могут остаться в тайне? Есть ли особые сложности в этом случае при расследовании?

— Есть свои сложности, конечно. Вообще, всегда важно, как поведут себя другие члены семьи, насколько они поддержат ребенка. Знаете, обычно бывает так: первые три дня родственники, узнавшие о преступлении против их чада, требуют мести, готовы убить, кастрировать преступника. Но через три дня пыл проходит. Появляется страх, что все узнают. Страх сложностей. Одному взрослому тяжело поверить, что другой близкий взрослый мог такое сотворить. Для родителей такая позиция — это попытка уйти от проблемы, как бы не видеть ее. За этим, конечно, кроется страх.

В ангарском случае было так: пострадавшая девочка была взята под опеку своим пожилым родственником и его супругой. Ребенок очень привязался к женщине. Очень долго насилие, которое совершалось на протяжении долгого времени, оставалось тайной. Однажды опекун поссорился с супругой, и девочка на волне доверия рассказала ей обо всем. Она пришла, написала заявление. Но через три дня вернулась и заявила, что они оговорили ее мужа. Причина была в их уверенности, что если дедушку посадят, то они не смогут разменять или продать квартиру и уехать в другой город, сменить место жительства.

— Всегда ли взрослые верят детям, которые рассказывают, что с ними произошло? Некоторые педофилы считают, что слово ребенка ничто против слова взрослого.

— На моей практике двое преступников раскаялись. Сутонько, например, плакал на следствии, плакал на суде. Я затрудняюсь сказать, что конкретно он оплакивал, но тем не менее... А есть преступники, которые выбирают позицию отрицания и считают, что следствие ничего не сможет доказать. Но совершенно точно, что слово ребенка имеет вес. И в подобных случаях, конечно, нужно разбираться до конца, даже если преступник все отрицает, даже если родственники прибежали через три дня забирать заявление. Здесь все зависит от качества следствия, от работы следователя, от способности найти общий язык с ребенком, установить психологический контакт с преступником. Это тяжелая работа, бывает очень неприятно. Но я ее выбрала сама.

Александра Шиханцева, для «СМ Номер один».

8 марта 2012 г.

11 Марта 2012

Адрес страницы: <https://irk.sledcom.ru/folder/878917/item/878919>